

В.Д. Бонч-Бруевич: между наукой и политикой

Научный руководитель – Чумакова Татьяна Витаутасовна

Пызиков Денис Дмитриевич

Студент (магистр)

Санкт-Петербургский государственный университет, Институт философии,

Санкт-Петербург, Россия

E-mail: ddpyzikov@gmail.com

В последнее десятилетие в России и на Западе ощутимо возрос интерес к изучению истории советской науки в целом, и религиоведения в частности [7]. Но несмотря на большое число исследований многие ключевые фигуры советской религиоведческой науки все еще остаются в тени. Это в полной мере относится к такому крупнейшему исследователю миноритарных религиозных групп, как Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич (1873-1955). Несмотря на то, что в советский период выходили работы за авторством, например, Клибанова А.И. [5], Демиденко Г.Г. [4], Голубевой О.Д. [3] и др., но все они в основном фокусировались на политической и организационной деятельности Бонч-Бруевича в качестве управляющего делами Совета Народных Комиссаров. Исключением можно считать только работы Клибанова, для которого Бонч-Бруевич был в первую очередь авторитетным ученым, на труды которого сам Александр Ильич постоянно ссылался и которому посвятил свой известный труд «История религиозного сектантства в России 60-е гг. XIX в. — 1917 г». Но, как бы то ни было, в советской историографии невозможно было избежать клишированных формулировок, апеллирующих к революционному прошлому Бонч-Бруевича. Поэтому, как часто бывает в таких случаях, слово «большевик» в народной мемориальной культуре порождает определённого рода ассоциации «антирелигиозника», «гонителя православной церкви» и т.п. В свою же очередь, идеологический мейнстрим государственной исторической политики награждал его такими стереотипными определениями, как «великий», «известный», «верный» и т.д. В данном случае требуется принципиальная оговорка, что деятельность Бонч-Бруевича следует рассматривать в первую очередь как деятельность ученого и представителя отечественной науки по изучению религии, который сохранил в своих исследованиях научную объективность и придерживался строго выверенной методологии, несмотря на навязанную сверху идеологическую цензуру [1]. Это важно отметить, т.к. с начала 1920-х гг. в стране на смену антиклерикальной пропаганде приходит пропаганда антирелигиозная, что является последствием борьбы с издержками НЭПа. И такая принципиальность в строгом следовании этосу науки многим ученым или их родственникам стоила свободы. По точному замечанию современных исследователей нельзя всех советских авторов, писавших о религии в то время, «мазать одной краской» и даже ставить в один ряд [6, 7]. Нужно провести четкое разграничение между учеными и агитаторами с пропагандистами, выпускавшими достаточно поверхностные антирелигиозные брошюры. Таким образом, с одной стороны мы получим такие имена, как В.Д. Бонч-Бруевич, В.Г. Богораз, Н.М. Маторин и др. С другой же: Б. П. Кандидов, И. А. Шпицберг, Ф. М. Путинцев и др. У последнего часто возникали споры с Бонч-Бруевичем по вопросам государственной политики в отношении верующих и религиозных организаций. Он последовательно отстаивал научный подход к изучению религиозных феноменов, а также призывал соблюдать принципы свободы совести и права верующих. Так, уже став в 1946 директором Музея истории религии и атеизма в Ленинграде (эту работу он сочетал с руководством Сектором истории религии и атеизма Института истории АН СССР) В.Д.

Бонч-Бруевич боролся с «духом антирелигиозной пропаганды» в музее, отмечая, что экспозиция не должна быть просто антирелигиозной, что надо вести научную пропаганду, но быть чрезвычайно осторожными с оскорблением религиозных чувств [8: 82].

Благодаря дружбе с В.И. Лениным и активной революционной деятельности В.Д. Бонч-Бруевич вошел в номенклатурную элиту нового государства и в 1918 г. занял должность управляющего делами Совета Народных Комиссаров. Но в отличие от многих деятелей революционного движения, которые до революции 1917 г. воспринимали представителей миноритарных религиозных групп в качестве «попутчиков», он как до революции, так и после нее отстаивал право верующих на свободу совести [2]. При этом Бонч-Бруевич никогда не оставлял научную деятельность и продолжал заниматься ею вплоть до своих последних дней, совмещая организационную и научную работу. Его огромный вклад в изучение религии в России и становление советского религиоведения трудно переоценить. Изучение жизни и творчества Бонч-Бруевича, как и других исследователей советского периода, представляется достаточно важным особенно в контексте современных споров о советской гуманитарной науке.

Тезисы подготовлены при поддержке гранта РНФ № 16-18-10083 «Изучение религии в социокультурном контексте эпохи: история религиоведения и интеллектуальная история России XIX — первой половины XX вв.».

Источники и литература

- 1) Бонч-Бруевич В.Д. Раскол и сектантство в России. Доклад В.Д. Бонч-Бруевича второму очередному съезду Российской социал-демократической партии // Избранные атеистические произведения. М.: Мысль, 1973. С. 173-213.
- 2) Бонч-Бруевич В.Д. Свобода совести в СССР // Избранные атеистические произведения. М.: Мысль, 1973. С. 44-59.
- 3) Голубева О. Д. В. Д. Бонч-Бруевич — издатель. М., 1972. 136 с.
- 4) Демиденко Г.Г. «Дел у революции немало...» Очерк жизни и деятельности В.Д. Бонч-Бруевича. М.: Политиздат, 1976. 206 с.
- 5) Клибанов А.И. Из воспоминаний о В.Д. Бонч-Бруевиче // Вопросы научного атеизма. М.: Мысль, 1983. №31. С. 269–295.
- 6) Шахнович М.М. Этнос истории науки: о реконструкции российского религиоведения советского периода // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2015. №1. С. 185-197.
- 7) Шахнович М.М., Чумакова Т.В. Идеология и наука: Изучение религии в эпоху культурной революции в СССР. СПб.: Наука, 2016. 367 с.
- 8) Шахнович М.М., Чумакова Т.В. Музей истории религии АН СССР и российское религиоведение (1932-1961). СПб.: Наука, 2014. 457 с.